

Бросился Теламон к кормчему Тифию и хотел заставить его повернуть назад «Арго». Напрасно его пытались успокоить Бореды, никого не хотел слушать разгневанный Теламон, всех винил он, что намеренно покинули они Геракла и Полифема в Индии. Вдруг из волн показалась увитая водорослями голова вещего морского бога Главка.
«Легенды и мифы Древней Греции»

Я страдал. Страдал так, как может страдать здоровое, памятьливое сердце, вшитое в дряхлую, пропитанную болью грудную клетку.

Я задыхался. В сосновом сквере, что уже само по себе не реально.

Солнце просто ткнуло раскаленным платиновым пальцем в этот яблоневоый город у гор – даже носы у скалистых вершин облезли. От того они, верно, Алатау – Пестрые горы. Каждая травинка, хвойная иголочка полыхали белым дымком, а камешки, гранит бордюров и даже зазевавшийся на дорожке муравей были буквально загипсованы прорвавшим кроны деревьев белым, плотным светом. Местами столь тяжелым, что ощущался вес пучков лучей. Лишь там, за чугунной оградой довольно значительного квадрата сквера вольно текли асфальтовые каналы, в которых плыли автомобили и безропотно тонули редкие прохожие. Бывало, кто-то из проходящих горожан нет-нет да и вскрикнет, но хлюп асфальтовой толщи, поглотившей его, поглощал и его прощальный зов отчаянья. Оглянувшийся на страшный звук постовой милиционер снова увидит сизое облачко на тем месте, где только что был человек.

Обида едкой кислотой разъедала меня. Я дергался, метался, временами даже раздваивался: один «Я» продолжал мерно вышагивать по аллее с отсутствующим лицом, другой же, озираясь по сторонам и энергично разбрасывая руки, ором орал: «Люди! Да что же это такое?! Да где же правда!» И кидался далеко вперед. Первый «Я» пугался, но в то же время возбужденный неудержимым порывом второго, начинал лихорадочно шарить по карманам в поисках сигарет и спичек, втыкал в зубы дрожащими руками сигарету фильтром к огоньку пламени. Но как первый закуривал, словно под давлением оттянутых резиновых ремней неся рапидом назад. И так с ходу врезывался в первого, что у того гасла в пальцах еще горящая спичка.

Наступила мгновенная контузия. Еще одна. Опустошенность и тупое чувство поражения. И снова неторопливое хождение по внутреннему периметру сквера без мыслей и иллюзий. Но с прежней обидой.

Вот после очередного аутоудара, когда мне удалось правильно закурить и не поперхнуться ядовитым палевом синтетического фильтра, я услышал за спиной детский голосок, настойчиво требовавший:

– Папа, расскажи сказку!

В это время дня прогулочные городские территории обычно пустынные, особенно в такую сорокоградусную жару, так что детский голосок прозвучал для моего уха болезненно, как электрический укол тока.

– Ну, жил-был Колобок...

– Про Колобка не хочу. Он дурак.

– В одном царстве-государстве...

– Жил царь-идиот.

– Нет, не идиот.

– Идиот, идиот. Идите, говорит своим царевичам-идиотам, постреляйте из лука, кто лягушку продырявит, будет первым идиотом.

– Про Золушку...

– И она дура.

Звуки, прокалывавшие ватный, ровный гул города, принимаемый коренными горожанами за тишину, стихли. Но электрическое напряжение в двести двадцать вольт, возможно и больше, осталось в атмосфере. Но теперь касалось не меня, а напрягало расстояние между папашей и его дитем. Молчание длилось целую минуту, и, наконец, прозвучал укоряющий глас отца:

– Ты... плохо себя ведешь.

Любознательный мальчик явно не смутился и еще напористей потребовал изложения фольклорных текстов:

– Расскажи!

– Ты мне сейчас не нравишься.

– Что?

– Ты мне такой не нужен.

– Хорошо. Тогда и я уйду от тебя.

– И куда это ты уйдешь, сынок?

– К маме. Навсегда. И скажу ей, что хочу жить с ней, а не с тобой.

– Будет так, как решит судья. А дети должны слушаться судью.

– А народные заседатели решат по-другому.

– Это почему же?

– Потому что они дяденьки и тетеньки. Как дядя Сережа и тетя Оля.

– Они что – опять приходили к тебе? Это нечестно.

– Тогда расскажи.

– Ладно. Однажды Красная Шапочка...

– Новую!

– Не до сказок мне теперь. Давай я тебе еще мороженое куплю.

– Не хочу ангиной болеть.

– Ладно..., – мужчина что-то едва слышимое пробормотал себе под нос, но затем, словно решившись на отчаянный шаг, произнес:

– Но ты все равно ничего не поймешь. А, слушай. Работал в одном учреждении один герой. Всем был хорош: высококвалифицированный специалист, семь авторских свидетельств. Изобретатель республиканского значения. Но завелась в этом учреждении злая ведьма – замдиректора. Невзлюбила она нашего героя, решила съесть.

– Вместе с авторскими свидетельствами?

– Само собой.

– Начала поедом есть. А герой наш действительно был хоть куда. Все ему нипочем. Но не любил он угождать...

– А разводиться он любил?

– С кем?

– Со своей женой и сыночком?

– Нет, не любил.

– А что он не любил?

– Пятки лизать, правду матку так и резал. Одной рукой столетние дубы гнул, второй – автоматизацию проводил. И созрел у него один очень серьезный проект...

– Живой?

– Конечно, живой, если созревал. Так эта ведьма решила уничтожить этот его проект...

Я слышал и не слышал весь этот бред маленькой семейки и не понимал, как, каким образом я все время оказываюсь в роли слушателя поневоле, правда, голоса то отдалялись, то приближались. Но самое странное заключалось в том, что я не видел этого папу-сказочника и сыночка-шантажиста, хотя дурацкая сказка доносилась не только из-за моей спины, но иногда и с боку, и даже с пустой парковой скамейки, мимо которой я проходил в очередной раз. А ведь я шел с открытыми глазами, да и шея моя, хотя и не на подшипниках, но ведь разворачивалась же как-то. Верно говорят, обида – слепа. Скажи мне кто в тот час, что это все слуховые галлюцинации, я бы не расстроился. Потому как расстраиваться было дальше некуда. Но кусок реального мира все же присутствовал в той моей прогулке по роковому озелененному квадрату – я все время выходил к двум мемориальным [45-миллиметровым противотанковым пушкам](#), установленным над ступеньками широкой гранитной лестницы, ведущей в сквер, носивший название с неким преувеличением: «Парк 28 панфиловцев». Видимо, это чисто мужское, сознаемся: в минуты отрицательных чувств так и тянет неосознанно к оружию. Хотя бы потрогать его. Эх! Если бы взять, вложить снаряд – быть может, завалялся где-то один из тех артиллерийских зарядов, которыми бойцы в 1941 грохнули фашистов в Подмоскovie – и как бах! бах! в нужном направлении по известным целям!

Что такое Обида? Что за эта штука такая? Предположим – маленькое

животное, грызущая, как мышка, твои внутренности или нечто огромное, как динозавр – наступит и мокрого места не останется от твоего самодовольства и заодно сердце разорвется. А если уйти от сантиментов к географическим беспристрастным критериям, то представляется целый материк. И эту гигантскую землю не пройти за день и за месяц, бывает, за год. Некоторые на всю свою жизнь тонут в зыбучих песках материка Обиды или его топких болотах. И эта Земля Обиды высится на своих трех китах: Несправедливости, Непонимания и Мстительности.

Говорят, несправедливость есть субъективное ощущение. Разве? Кто может абсолютно точно определить, где справедливость, а где – нет? Глупо, по крайней мере, с семантической точки зрения, но я почему-то уверен, что есть в слове «несправедливость» какой-то зародыш глагола «справиться». С тобой поступили несправедливо? Задумайся: где, с чем и с кем ты не справился. Победители ведь всегда действовали и действуют справедливо. И в этом уверено подавляющее большинство. А что касается меньшинства или кого-то одного, то остается утереться и все. Вот что обидно. Посему кит Несправедливости – антипод кита Справедливости, маленький. Величиной с дельфина, ты можешь с ним плавать и на пляжах курортов Флориды или в домашней ванной, никто и не заметит твоего кита. И становиться еще обидней.

Кит Непонимания, как облако или смог. Схватить невозможно, проплывает меж пальцев. Но он не призрак. Попадешь в его зону и тебя в упор не видно, не видят ни твоих правильных дел, ни твоих текстов, ни твоего великодушия, доброты, любви... Кричишь оттуда во все горло:

– Послушайте, я ведь хочу вам объяснить...

Не слышат.

– Да послушайте вы!..

Нет слышимости.

Ну, не понимает моих стихов мой умный сосед. Он положительный человек, с ним приятно посидеть с рюмочкой и поговорить о политике. И в общем это неплохо. Ведь, если оторвать от бытовой философии, а задуматься на манер суфийских мыслителей, то, пожалуй, и не скажешь, кто сидит на ките Непонимания: непонятый или непонимающий.

Кит Мстительности физиологически гораздо сложнее. Да и психологически.

Киты Несправедливости и Непонимания плывут в глубокой воде твоей жизни всегда парочкой, трутся друг об друга – не дай Бог оказаться между ними. Попадая, ты хочешь лишь одного: уйти на дно и там замереть под пледом на продавленном диване. Спасительном, между прочим.

Однако, самый страшный кит – кит Мстительности. Третий кит безжалостен. Он, как морская корова, кормит твою обиду, пока она не вырастет до ужасных размеров Обиды.

Именно этот кит нашептывал Гамлету: на обиженных воду возят. И погубил, как известно театральной публике, принца Датского. Да что я тут

пишу... какие-то беспомощные фразы. Читайте Шекспира и все вам станет ясно.

Быть обиженным – это как болеть неприглядной болезнью. Это стыдно и небезопасно. Но все равно, обидно. Ко всем этим псевдофилософам прицепилась, как к подошве слюнявая жевательная резинка, рифма «Играет свеч листва... + ...и человечества». Она составлена была лет десять назад, и я относил ее к оригинальному ряду, да вот никуда так и не смог приложить. И брала досада.

Меня опять тянет на мемориальное пекло, к артиллерийским орудиям. Я подхожу к ним, глажу грозный и элегантный ствол пушки. И здесь снова слышал знакомые голоса. На лафете пушки сидел молодой лысеющий мужчина в светлом легком костюме с кислым выражением лица. Рядом с ним стоял мальчуган лет пяти и спрашивал:

– Пап, а эта ведьма на заседании научного совета варево ядовитое варила? Или просто так сидела, нож точила?

– Вареву варила. С ножами на научный совет никого не допускают.

– И что дальше?

– Варит она, значит, варит, всех опоила. Все голосуют так, как она скажет. Они думают, что сломали меня, мой проект зарезали.

– Ты же говорил, ножки не разрешают приносить.

– В том то и дело, что не разрешено. А они принесли ножи. Нечестно потому что поступают. Они думают, что я один, а им – можно. Дудки! Я в Главк¹ пойду. Главк разберется!

– А Главк это добрый волшебник? А он может приказать твоему хорошему человеку не разводиться?

– Нет, Главк – это люди..., – ответил отец. – А люди... иногда такую чушь мелют...

– Мелом мелят?

– Почти. Бухгалтерша наша, премию задерживает, а туда же. Разведенные, говорит, умирают чаще, – папаша нервно засмеялся, едва шевеля вдруг посиневшими губами, и вдруг рухнул на мрамор.

Кругом ни души, кроме меня, конечно, и его сыночка. Я поспешил к упавшему мужчине, принялся поднимать его, тормошить, но он никак не реагировал на мои примитивные и, наверное, неправильные реанимационные усилия. Явно, инфаркт. Следовало бежать, искать телефон, вызывать скорую помощь. И я побежал, оставив рядом с неудачливым папашей его сыночка, который все повторял:

– Главк, Главк, добрый, хороший, ну, пожалуйста, пусть папа встанет. Главк, ну, пожалуйста...

¹ Главк (от: главный комитет) – главное управление, подразделение министерства или ведомства.